

М.С. Комаров

О понятии современного общества как «модернити»

Одним из самых спорных и популярных терминов современной социологической науки является понятие модернити. Оно имеет множество различных интерпретаций в зависимости от используемой теории. Дело осложняется тем обстоятельством, что в социологической науке и практике это понятие используется чересчур произвольно, особенно в нашей литературе. Субъективизм насколько силен, что порой трудно понять, что автор имеет в виду под этим термином. Во многих учебных пособиях, не мудрствуя лукаво, авторы отождествляют понятие модернити с современным обществом, фактически включая в него все общественные устройства, существующие в данный момент. Но разве можно приравнять современную Японию к Бразилии, Конго, Румынии и другим? Другое замечание учебно-методического плана: сейчас переводится много зарубежной литературы, и путаница среди терминов модерн, модернизм, модернити и т.п. здесь также значительна.

Поэтому термин модернити должен быть подвергнут элементарной научно-методической критике с тем, чтобы определить имеющиеся в нем рациональные зерна, если таковые имеются, и определить методологические и научно-познавательные возможности этого понятия.

Начнем с теоретического философского положения, которое не всегда бросается в глаза. Речь идет о противопоставлении традиционного и современного общества как двух ступеней развития индустриальной культуры. Обычно этот подход называют цивилизационным или технико-экономическим. Очевидно, при этом технократическом подходе утрачивается масса социокультурных явлений, отражающих специфику общественного устройства.

Поэтому в современной литературе все большее место завоевывает тенденция сравнительного анализа двух типов общественных устройств: первый – это ранний модерн, содержащий в себе зачатки современного типа общественного устройства, возникший в эпоху реформации, затем обогащенный эпохой просвещения, второй – модерн, достигший современного зрелого состояния.

Надо отметить, что среди американских общественных ученых все еще преобладает концепция индустриального общества, которое они отождествляют с современным, не усматривая в модернити никакой особой специфики. Теоретики США считают, что основные структурные изменения в области экономики, политики и идеологии примерно одинаковы во всех развитых странах и предлагают на США равняться. Такой узкий технократический подход может быть объяснен тем, что в США в XVII-XIX веках не было столь бурных социально-политических явлений, как в Европе, не было событий эпохи просвещения, которые пережила Европа, и последующей за ней полосы социально-политических революций, заложивших основы современного общества, а основной упор делался на предпринимательство, получение прибыли и материальный успех.

На Западе весьма популярной является точка зрения, согласно которой современным следует считать общество, в котором эффективно функционируют четыре фундаментальные структуры: экономическая, политическая, культурная системы и гражданское сообщество. Согласно точке зрения автора данной концепции Т. Парсонса, не только эффективное развитие четырех указанных структур, но и их относительно самостоятельное развитие (дифференциация), а также взаимный интегративный

обмен продуктами каждой подсистемы, делают ее чрезвычайно эффективной [1]. Хотя этой теории уже более тридцати лет и ее много раз хоронили и вновь воскрешали, нельзя отказать автору в логической стройности, последовательности и продуманности всей концептуальной схемы. Эта позиция предполагает, что неотдифференцированность какой-либо из сфер, ее зависимость от другой социальной структуры указывает на то, что общество все еще не достигло стадии модернити. С этой точки зрения, основанной на современной теории эволюции, представляется, что, например, современный Китай нельзя отнести к обществам типа модернити, так как в нем экономическая подсистема, несмотря на преобладание частной собственности, всецело зависит от политики КПК. Советский Союз также нельзя считать обществом современного типа, так как все четыре базовые структуры были жестко интегрированы, затрудняя дифференциацию и отделение каждой из них от политической системы. Несмотря на явный формализм и безличность теории модернити, она обладает позитивными сторонами, в том числе возможностью как бы условно просчитывать продвижение общества по пути модернизации.

Споры на тему модернити широко распространены: выходят отдельные журналы, сборники, множество статей, поскольку с этой темой связана другая, пожалуй, сейчас самая главная у обществоведов – проблема модернизации. На какой тип общественного устройства следует ориентироваться странам «догоняющей модернизации», к списку которых относится и Россия, чтобы быстрее достичь высоких результатов социально-экономических и социально-культурных показателей, определенного состояния общества, как, например, той модели, которая была предложена Т. Парсонсом. Американские теоретики склонны считать, что именно США находится на вершине эволюционной лестницы и является той моделью обще-

ственного устройства, на которую должны ориентироваться все остальные [2. С. 135]. Однако изучение современной реальности дает основания считать, что не только США и ведущие страны Европы являются обществами модернитского типа, но можно говорить и о других центрах модернити, например, Японии или Сингапуре, обладающих высокими критериями научно-технического развития и достигших высокого уровня материального благосостояния. Поэтому, говоря об обществах типа модернити, мы должны определиться, какой тип из них для нас является более важным. Модернизация стран юго-восточной Азии, которые мы упоминали, интересна еще и тем фактом, что, развивая научно-технический прогресс, они сумели сохранить свою культурную самобытность.

Однако с политико-экономической точки зрения фундаментальными структурами общества современного типа остаются индустриализм и капитализм. Предсказание Д. Белла и других теоретиков индустриального общества о том, что грядущее развитие индустриального общества целиком должно базироваться на науке, технике и новейших технологиях, лишь частично можно считать справедливым, также как и развитие маркетинга и научного менеджмента.

Более важным с нашей точки зрения, является социально-экономический фактор развития производства – а именно погоня за прибылью, материальным процветанием, то есть фактически эксплуатация на производстве, открытая и описанная еще К. Марксом. и на сегодняшний день остается центральным звеном современной экономики. Несмотря на гуманные лозунги совершенствования труда и его качества, новые ценности производства, эксплуатация остается внутренним двигателем эффективного экономического производства. Поэтому не удивительно, что в своей новой организационной форме капитализм по-прежнему осуществляет антагонизм труда и капитала, хотя против-

речия между ними приняли иную форму, более мягкую, цивилизованную, чем двести лет назад. Интересно отметить, что капитализм также имеет национальную окраску, например, в Японии и других странах Юго-Восточной Азии, где рациональная организация труда органически сочетается с традиционными семейно-родовыми отношениями.

Стало быть, при всей огромной специфике современного общественно-го устройства в развитых странах главным фактором по-прежнему остается эксплуатация и погоня за прибылью, хотя термин «капитализм» сейчас является не модным. При высоких темпах экономики, высоком уровне материальной жизнедеятельности, высоком качестве жизни современный капитализм действительно резко отличается от капитализма XVIII – XIX веков: он предоставил человеку большие политические, гражданские, культурные права в плане возможностей личности, но сама его суть мало изменилась.

Одной из важных тем, споров по вопросам специфики модернити является тема гражданского общества. Это третий важнейший фактор современного общества, и лишь недавно, лет двадцать назад, он стал предметом острых дискуссий. Мы не будем вдаваться в детали этих дискуссий, отметим лишь ряд характерных черт: это общность различных групп, обладающих относительной свободой и независимостью, гражданскими правами и отстаивающих свои права в борьбе с бюрократией и политическими институтами. Гражданское общество обычно реализуется в форме гражданских движений: рабочих, фермерских, феминистских, молодежных, национально-этнических и др. Они не обладают четко выраженной структурой, но, тем не менее, проявляют большую инициативность и активность в отстаивании своих прав. Членство в гражданском обществе сугубо добровольное, но эти союзы и ассоциации в нужный момент проявляют высокий уровень мобилизации.

Однако главным предметом споров по проблеме модернити является проблема идентичности, то есть проблема социальной, культурной самобытности личности, сохранения ее уникальности на фоне стандартизации и нивелирования человеческой индивидуальности. Вопрос заключается в следующем: если сама личность резко изменилась, трансформировалось ее духовно-нравственное содержание, то, следовательно, изменилось и само общество. Эти споры разгорелись относительно недавно, 20-30 лет назад, являясь свидетельством высокого уровня материальной обеспеченности личности и ее социальных прав и свобод. В действительности вопрос об идентичности личности тесно связан с известными человеческими проблемами. Во-первых, это возможности выбора профессии и стратегии жизненного поведения, выбор социокультурного стиля жизни. Здесь перед молодым человеком встает огромное количество проблем, которые ему предстоит решить, имея в виду возможность изменения и смены профессиональной ориентации в будущем. Во-вторых, широко известные сейчас проблемы миграции населения из Азии в Европу также связаны с проблемой идентичности. Например, выходец с арабского Востока, воспитанный в мусульманском духе, с трудом усваивает ценности европейской культуры, новые требования профессиональной ориентации и т.п. Для европейца, приехавшего трудиться в африканские страны, помогающего развивать экономику и образование, также встают аналогичные проблемы. Американский социолог Ч. Кули называл подобных людей маргинальными личностями, но в настоящее время эта проблема приобрела настолько широкий масштаб, что, вероятно, следует говорить о трансформации культур и личностей. В любом случае, мигрирующие потоки людей порождают массу социально-экономических и политических проблем (когда они натурализуются, то получают все гражданские

права, в том числе и право участвовать в выборах). Да и сам человек-мигрант, или эмигрант, испытывает немало нравственных и духовных трудностей.

Вторая важная сторона проблемы идентичности тесно связана со структурой личности, изменениях в ее глубинных основах. Здесь имеются в виду не только проблема миграции, смены профессии, но в большей мере поступки человека, связанные с интересами, потребностями, общим выбором стратегии бытия. Человек, усвоивший ценностные ориентации другой культуры, фактически меняет самого себя, свою сущность, свое самоопределение. Этой теме посвящено огромное количество эмпирических исследований, в том числе и в нашей стране, поскольку идентичность личности является определяющей чертой самобытности культуры. Резкие социокультурные сдвиги, произошедшие в России в 1980-90-е годы, привели к тому, что отчуждение личности от общества зашло так далеко, что человек идентифицирует себя прежде всего с малыми группами, семьей, трудовым коллективом, а большие социальные группы – нации, классы, партии, профсоюзы и др. – большой смысловой ценности для человека не представляют. Так что в этом смысле у нас в стране идет процесс, обратный тому, который наблюдается в развитых странах, где горизонтальные связи и отношения (группы) играют определяющую роль.

Столь характерное для современного общества взаимопереплетение культур, ценностей, потребностей приводит нередко к тому, что лидирующие современные общества стремятся навязать свою культуру, стандарты поведения, образ жизни. Этот процесс так называемой вестернизации может в тенденции привести к утрате самобытности культуры, ее родовой сущности, утрате у человека чувства родины. К сожалению, подобные процессы в разной степени характерны для многих бывших стран социализма, включая РФ, что, в конечном счете, приводит к формиро-

ванию личности, лишенной чувства историзма, патриотизма, любви к родине. Фактически это означает разрыв между личностью и обществом, так как человек плохо знает свою историю и культуру и становится личностью, утратившей смысл и ценность своего бытия. В России эта проблема особенно актуальна для крупных городов, где влияние западной культуры особенно сильно, тогда как в провинции оно минимально.

Пожалуй, самым бросающимся в глаза феноменом модернити является развитие массовой культуры, которая фактически подчинила себе все другие сферы культурной деятельности, а ее творцы, создатели шоу, считают, что именно они формируют современного человека типа модернити.

О содержании и методах современной массовой культуры существует огромное количество литературы, поэтому кратко остановимся на самых существенных чертах этого феномена. Во-первых, массовая культура действительно в значительной мере формирует сознание, интересы и потребности современного человека, но далеко не вся культура подчинена диктату массовой культуры: существуют традиционная (реалистическая), элитарная, этническая культуры. Во-вторых, массовая культура, несмотря на громадное влияние на поведение человека, формирует личность определенного типа (потребительская личность, как называл ее Г. Маркузе), то есть одномерного, одностороннего, интеллектуально малоразвитого человека, у которого на переднем плане в основном погоня за модой, развлечениями, потребностями, мнимыми ценностями. В-третьих, массовая культура разрушает традиционные общественные связи (этнические, политические, рабочие и т.д.), стремится подменить их созданием мнимых общностей (племен или номад), которые якобы заменяют традиционную социальную структуру (например, спортивные фанаты, музыкальные фанаты и другие сообщества).

Таким образом, в постмодернизме (так называют вышеназванное популярное в Европе социально-философское течение) полностью отрицаются какие-либо связи между человеком и обществом, личностью и государством, а свобода человека отождествляется с крайним индивидуализмом. Постмодернизм имеет немало сторонников, особенно среди представителей культуры, но в США и ряде других индустриально развитых стран идеи постмодернизма не находят большой поддержки. Мы уже не говорим об огромной юго-восточной традиции к самоопределению и культурной самобытности, которая эту проблему рассматривает негативно, хотя и там находятся отдельные сторонники постмодернизма.

Итак, подводя итоги нашего краткого исследования, можно сказать, что современным можно считать общество, в котором существует высокий потен-

циал социальной и культурной дифференциации, независимости одних социальных сфер от других, население имеет высокий уровень материального благосостояния. В то же время общество типа модернизируется обладает и рядом отрицательных черт: прежде всего это индивидуализм, игнорирование интересов общества и государства, стремление в первую очередь реализовать свою жизненную стратегию. Сказанное не означает, что все люди, живущие в обществах типа модернизируется, эгоисты и индивидуалисты. Общественное разделение труда, традиционные общественные связи, правовая культура и многое другое привязывает людей друг к другу. Современное общество ставит перед человеком много новых проблем, и он должен уметь решать их вопреки тем огромным противоречиям, которые присущи обществу эпохи модернизируется.

Библиографический список

1. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1987.
2. Ритцер Дж. Современная социологическая теория. Спб., 2001.